

жественной формы, въ которую оно вложено и отъ общаго духовнаго облика эпохи. Можно спорить по поводу частныхъ утверждений и дегаей, но въ такой по существу синтетической работѣ детали не имѣютъ рѣшающаго значенія. А какъ синтезъ, книга П Биццли — единственная въ этомъ родѣ — не можетъ не быть признана авторитетнымъ путеводителемъ по «садамъ русской словесности».

К. Мочульскій.

Jules Legras. «L'âme russe». Ed. Flammarion Paris, 1934

Проф Легра написалъ книгу очень обстоятельную, очень безпристрастную и вдумчивую. Къ «русской душѣ» онъ подошелъ именно съ тѣми свойствами, которыя у нея отрицаютъ съ западно-европейской послѣдовательностью и стремленемъ къ точности. Русские будто-бы все дѣлаютъ приблизительно, «а peu près». За долгие годы своего пребыванія въ Россіи проф Легра этой досадной болѣзнию не заразился. Невозможно представить себѣ что-либо болѣе планомѣрное, чѣмъ его послѣдній трудъ. Самъ авторъ чувствуетъ, кажется, нѣкоторое противорѣчье между своимъ методомъ и темой, онъ видитъ порой, что тема какъ бы ускользаетъ отъ него, — и гдѣ страницъ, гдѣ онъ пытается ее все-таки ухватить, удержатъ, принадлежага къ самымъ живымъ и запоминающимся въ его работѣ.

Намъ трудно читать такую книгу съ интересомъ холоднымъ и отвлеченнымъ. Конечно, едва раскрывъ ее, мы уже хотимъ узнать что это, апология или обвинительный актъ? какихъ доводовъ больше — «за» или «противъ»? Будемъ откровенны: мы сами въ Россіи не увѣрены и не очень твердо знаемъ, какова ей «объективная» цѣна. Для каждаго русскаго сознания Чаадаевъ то правъ, то не правъ — еще и до сихъ поръ (нѣкоторые увѣрены, что увѣрены, и полагаютъ, что знаютъ, — но, пожалуй, только до перваго настоящаго испытанія). Мы тревожимся за Россію: мы хотѣли бы, чтобы «цѣна» ей была какъ можно больше, — и всякое западно-европейское свидѣтельство о ней воспринимаемъ, будто показаніе на судѣ. Если довести итогъ показанійъ, даннымъ до сихъ поръ, придется признать, что скорѣй они были въ пользу обвиненія. Но во всѣхъ или почти во всѣхъ сквозила возможность такихъ «смягчающихъ обстоятельствъ», которыя примиряютъ насъ съ упреками ироніей и отрицаніемъ. Проф Легра продолжаетъ эту традицію. Перечисляя вслѣдъ за умнымъ Кюстиномъ и другими наблюдателями или путешественниками датеко не всегда столь же пронизательными, русскія слабости и русскіе пороки, онъ въ самомъ концѣ своей книги коснувшись «гуманности» — для которой не находить французскаго слова, — говоритъ:

— Это чувство братства — одно изъ самыхъ своеобразныхъ и глубокихъ среди всѣхъ, которыя свойственны русскому сердцу. Оно безспорно принадлежитъ къ нравственному богатству населенія. Отъ него на этотъ сѣроватый, невѣжественный, несчастный народъ ложится отблескъ христіанской поэзіи, которую не сотрутъ никакіе боль-

шевки въ мирѣ Оно обособляетъ русский народъ отъ народовъ нашей западной Европы, оно ставитъ его высоко надъ ними, если держаться одной только моральной точки зрѣнія!»

Ну, что же, если такъ — дѣло наше еще не плохо Приблизительность въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, заносчивость, вороватость, лживость, вѣтренность, пьянство, грязь, грубость и все другое, что поразило проф Легра въ Россіи, можно принять, можно, — если только дѣйствительно есть эта «спозія» Конечно, что говорить, безъ пьянства и грязи лучше бы! Но на крайность останемся при нихъ, — и не будемъ все-таки слишкомъ отчаяваться въ нашей культурѣ Она очевидно можетъ еще пригодиться миру Кстати, хорошо, что проф Легра вовсе не склоненъ глядѣть на все сквозь розовыя очки и по душевному своему складу огнюдь не сангиталенъ Будь это не такъ, ему было бы меньше вѣры Можно было бы подумать, что онъ «идеализируетъ» или оболваниваетъ свои наблюдения дымкой личнаго воспоминанія, всегда настривающихъ къ лиризму Но передъ нами строгій, даже чуть-чуть суховатый изслѣдователь На лирику онъ скупъ, и она прорывается въ его книгѣ только тогда, когда со всѣми своими параграфами, подраздѣленіями и таб. лицами, со всей своей логикой и подчеркнутой научностью, изслѣдователь оказывается безоруженъ

Въ «Русской душѣ» собрано множество картинъ и эпизодовъ изъ жизни разныхъ слоевъ нашего общества, по запискамъ стариннымъ и современнымъ, отъ Герберштейна до самого Легра Нѣкогорыя изъ нихъ относятся, правду сказать, скорѣй къ быту, чѣмъ къ «душѣ», — но въ цѣломъ всё они помогаютъ автору составить нѣчто въ родѣ обзорнаго русскихъ внутреннихъ чертъ и особенностей Этихъ чертъ и особенностей въ книгѣ проф Легра ищетъ объясненія Одни по его мнѣнію, сложились подъ влияніемъ географическихъ вѣстоій, другія подъ иностраннымъ воздействиемъ, третьи объясняются недостаткомъ просвѣщенія, четвертыя — молодостью русскаго народа Въ послѣднюю категорию проф Легра включаетъ свойства которымъ не можетъ найти источника Онъ называетъ ихъ «irreductibles» и считаетъ ихъ повидимому, укорененными въ самой природѣ русскаго сознанія Сюда то и относится та «гуманность», о которой я уже упоминалъ, и вмѣстѣ съ ней душевная широта и щедрость Авторъ не скрываетъ противорѣчія своего изслѣдованія и признается, что русский народъ его «удручаетъ и очаровываетъ»

Книга возбуждаетъ тысячи вопросовъ, которыхъ осторожились, пожалуй, не касаться въ короткой замѣткѣ Впрочемъ имъ и нѣтъ одного, единственно-вѣрнаго разрѣшенія, испиши мы хоть тысячу страницъ на всё эти темы Какъ почти всегда сопоставленіе Россіи и Европы по внутренне-личной и внѣшне-государственной жизни приводитъ къ мыслямъ объ отношеніи «норма любви» къ «нормѣ политики» Издалека встаетъ призракъ Рима — и Россія смущенно отступаетъ передъ нимъ, не теряя все-таки чувства какой-то глубокой, нѣмой своей правоты Но ея ли это, только ли ея правота? Дѣйствительно ли она «irreductible»? Нѣтъ ли въ каждой странѣ, въ ка с-

домъ народѣ душъ, которыя условно хотѣлось бы назвать «русскими»? И если ужъ признать силу географическихъ и бытовыхъ влияній, можно ли быть спокойными, что «никакже ботышевики въ мирѣ» не согнутъ съ русскаго обиха тѣ отблески «христіанской поэзіи», которыми всё только любовались, но которыхъ никто дѣйственно не оцѣнили, не укрѣпили, не удержали?»

Георгій Адамовичъ.

Hegel bei den Slaven im Auftrage der deutschen Gesellschaft für slavische Forschung im Prag, mit Unterstützung des Slavischen Instituts im Prag herausgegeben von D. Cyzevskij. Reichenberg. 1934. Стр 494

Что философія Гегеля имѣла свою значительную и плодотворную судьбу въ духовной культурѣ славянскихъ народовъ, было извѣстно уже давно. Но, только послѣ появленія этого, въ Прагѣ изданнаго сборника (содержащаго работы семи авторовъ о Гегелѣ въ Польшѣ въ Россіи, у Словаковъ, у Чеховъ, въ Югославіи и въ Болгаріи), можно въ полной мѣрѣ оцѣнить то, по истинѣ исключительное, громадное влияние, которое философія Гегеля имѣла въ ихъ духовномъ развитіи. Впрочемъ — за исключениемъ чеховъ, которые, какъ показываетъ авторъ соответствующей статьи (Ф. Файфръ), были въ силу национальныхъ особенностей своего мышленія совершенно невосприимчивы къ гегелевской философіи, да и вообще къ философіи нѣмецкаго идеализма. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ болѣе однако возрастало влияние гегелевской философіи у словаковъ (статья А. Пражака) оно опредѣлило характеръ ихъ національнаго возрожденія, ихъ «селаратизмъ» по отношенію къ чехамъ, до сихъ поръ еще не изжитый, у поляковъ — магистральную линію всего ихъ философскаго развитія въ XIX вѣкѣ (статья В. Кюне), характеризующую именами Трентовскаго, Тѣшковскаго, Либельта, Кремера, высшей же своей силой достигло въ Россіи, гдѣ опредѣлило собою не только развитіе философіи и мировоззрѣнія, но и гуманитарныхъ наукъ, университетской традиціи, литературы и даже литературнаго языка. Показать это составляетъ безспорную и большую заслугу Д. Чижевскаго, редакторскимъ трудамъ котораго и обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ настоящий сборникъ, безъ коего въ будущемъ не сможетъ обойтись въ своей работѣ ни одинъ изслѣдователь духовной культуры славянскихъ народовъ. На статьѣ (собственно книгѣ) редактора, посвященной Гегелю въ Россіи и занимающей большую часть сборника (250 стр.), мы тольکو и остановимся здѣсь въ нашей рецензіи.

По мнѣнію Ч. это исключительное по своей силѣ влияние Гегеля на русскую мысль было подготовлено тѣмъ обстоятельствомъ, что философія Гегеля есть не столько «раціонализмъ», сколько философское и постольку «раціонатное» выраженіе духовнаго содержанія нѣмецкой мистикки, которое она въ себя вобрала и которое было